

Вот до чего дошло дело — темой дня становятся убийства. Причем убийство не обязательно политическое, а вполне возможно, бытовое, совершенное из хулиганских побуждений или, может быть, из злобы, из застарелой обиды на кого-то или на что-то, может быть, на жизнь. Но что делать, если общество так раскалено, так взволновано этим убийством, настолько, что оно становится фактором политической жизни.

Убийство Игоря Талькова страшно своей бессмысленностью — смерть из-за пустяка, из-за драки за кулисами эстрадного театра, у зеркала в гримерной. Но страшно и другое — то, как реагирует на случившееся общество.

За один только день я услышал три разных мнения о произошедшем. «Не верьте газеткам, Талькова убили евреи», — считает молодой человек с бородкой. «Это политическое убийство. Его шпокнули за то, что он член «Памяти» — и правильно сделали», — говорит другой. «Сначала убрали Виктора Цоя, а теперь добрались и до Талькова, ясно, чьих рук дело», — это еще одно разгорающееся мнение. А из публикации одной газеты и вовсе можно сделать вывод, что с певцом расправились... поклонники Егора Лигачева.

И никто не желает верить, что за этим убийством может и не быть политических причин. Не может такого быть в нашей стране и в наше время, и все тут!

И неудивительно, что не хотят верить. Ведь остались нераскрытыми загадочные убийства отца Александра Меня и еще двух священников. Ос-

тается тайной совсем не похожая на уголовщину трагедия в Мядининкае. До сих пор не названы официально виновники тбилисских, бакинских, вильнюсских событий. Чуть ли не каждый день безнаказанно убивают в Нагорном Карабахе. Народ привык, что его обманыва-

жество осколков, принявших странные, причудливые формы, но сохранивших одно главное общее свойство — нетерпимость, непримиримость, жестокость. Легко могу себе представить, что гибель Талькова могла бы стать поводом для насилия под прямо противоположными лозун-

одина вид насилия, прибывает другой, но общее его «количество» остается неизменным.

Может быть, в этой идее и есть доля истины — уровень преступности в демократических обществах действительно, как правило, выше, чем при диктатурах. Но есть в ней и изрядная доля лукавства. Ведь государственное насилие, без сомнения, хуже, невыносимее индивидуального, оно порождает чувство полной безнадежности и оцепенения. И выход из состояния «вертикального» насилия все равно чреват разгулом насилия «горизонтального» — собственно, именно такой этап мы, кажется, и переживаем сейчас. То есть нынешние социальные потрясения, и печальное состояние общественной нравственности — это, видимо, прямое следствие десятилетий жизни под невыносимым прессом государственного насилия, внушения людям «ценностей» большевистской нетерпимости.

Когда же начнется возвращение к норме, и начнется ли оно вообще? Не знаю. Но признак такого возвращения могу назвать. Оно произойдет тогда, когда первой — и главной — реакцией людей на трагедию, даже на преступление, станет не ненависть, не желание срочно назвать и наказать виновного, а прежде всего обыкновенное человеческое чувство сострадания. Такая заурядная, простая, но естественная мысль:

Так жаль Игоря Талькова, жаль его жену и ребенка, его убитую горем мать.

...9 октября певца похоронили на Ваганьковском кладбище.

Андрей ОСТАЛЬСКИЙ.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

Известия - 1991 - 9 окт. - с. 1

Кто убил Игоря Талькова?

ют, что ему лгут, не говорят всей правды, и он не хочет верить ничему, подозревая обман, подлость, заговор даже там, где их нет.

Но главная проблема не в неверии. Раздраженные, доведенные до ручки жизненными невзгодами, нехватками всего и вся люди пребывают в возбужденно-взвинченном состоянии. Нет больше тоталитарной системы и нет больше страха, но нет и тормозов — предохранителей цивилизованного сознания. Кажется иногда, что разъяренный народ готов стать толпой и начать крушить все подряд по всякому поводу, будь то дефицит сахара, авария канализации или убийство популярного певца.

Как будто некая большевистская партия раскололась на мно-

гами — хоть «бей жидов!», хоть «смерть коммунистам» или «к стенке «Память» — так ли уж велика на самом деле разница?

В каком-то смысле широко распространенное в обществе требование непременно расстрелять немощных членов ГКЧП и, скажем, убийство Игоря Талькова, и болезненная реакция на него — явления одного и того же порядка. Все это порождено ненормальным состоянием общества и страны.

Есть такая гипотеза — о «неизменности количества насилия в обществе». Дескать, насилие может быть «вертикальным» (то есть государства над личностью) или «горизонтальным» — между отдельными индивидуумами и группами. Убивает